

Jules
VERNE
1828–1905

ЖЮЛЬ
ВЕРН

*Матиас Шандор,
или
Новый граф
Монте-Кристо*

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
В 35

Перевод с французского
Евгения Гунста, Ольги Моисеенко,
Елизаветы Шишмаревой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

- © Е. А. Гунст (наследники), перевод, 2019
- © О. В. Моисеенко (наследник), перевод, 2019
- © Е. М. Шишмарева (наследник), перевод, 2019
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15513-8

Александрю Дюма

Эту книгу я посвящаю Вам и одновременно памяти гениального рассказчика, каким был Ваш отец Александр Дюма. В этом произведении я попытался сделать из Матиаса Шандора Монте-Кристо «Необыкновенных путешествий». Я прошу Вас принять это посвящение как свидетельство моей глубокой дружбы.

Жюль Верн

23 июня 1885 года

Дорогой друг,

я весьма тронут тем, что Вы хотите посвятить мне «Матиаса Шандора»; мысль об этом согревает мне душу. По возвращении — в пятницу или субботу — я примусь за чтение. У Вас были все основания объединить в своем посвящении память об отце и дружбу к сыну. Никто не приходил в больший восторг от чтения Ваших блестящих, оригинальных и увлекательных фантазий, чем автор «Монте-Кристо». Между ним и Вами столь явное литературное родство, что, говоря литературным языком, скорее Вы являетесь его сыном, нежели я. Я же так давно испытываю к Вам привязанность, что был бы чрезвычайно рад считать Вас братом.

Благодарю за Вашу неизбывную ко мне симпатию и еще раз горячо заверяю Вас в моей.

Александр Дюма

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

Триест, столица Иллирии, распадается на два совсем не похожих города: богатый новый город — Терезиенштадт, с прямыми, широкими улицами, на берегу залива, где с давних пор обосновался человек, и бедный старый город, построенный кое-как, зажатый между широкой улицей Корсо, отделяющей его от нового города, и склонами невысокой горы Карст, вершину которой украшает старинная крепость.

Триестский порт защищен молом Сан-Карло, возле которого стоят на якоре преимущественно торговые суда. Здесь околачивается множество бродяг, не имеющих ни кола ни двора, одетых в драные штаны, жилеты и куртки, не нуждающиеся ни в каких карманах, ибо у их владельцев никогда не было и, вероятно, никогда не будет чем их наполнить; порой эти оборванцы собираются в довольно многочисленные шайки, наводящие страх на местных жителей.

В этот день, 18 мая 1867 года, среди множества бродяг можно было заметить двух человек, одетых немного лучше других. Однако их тоже вряд ли когда-либо обременяло излишнее количество лоринов или крейцеров, для этого им должно было бы улыбнуться счастье. И, право, эти двое готовы были на все, лишь бы заставить его улыбнуться!

Один из них, по имени Саркани, говорил, что родился в Триполитании. Другой, Зироне, был выходцем

из Сицилии. Спутники раз десять прошли по молу туда и обратно и наконец остановились на самом его конце. Они пристально смотрели на запад, в морскую даль, как будто ждали, что там появится судно, везущее им богатство!

— Который час? — спросил Зироне по-итальянски: его спутник так же свободно владел этим языком, как и другими наречиями, распространенными на берегах Средиземного моря.

Саркани не ответил.

— Ах я дурак! — воскликнул сицилиец. — Ведь теперь как раз тот час, когда человеку хочется есть, особенно если он забыл позавтракать!

В этой части Австро-Венгерского государства люди австрийского, итальянского и славянского происхождения так перемешались, что дружба двух иностранцев, явно чужаков в этом городе, не могла никому показаться странной. К тому же, если их карманы и были пусты, никто не мог об этом догадаться, так важно они расхаживали в своих длинных коричневых плащах.

Младший из них, Саркани, был стройный молодой человек среднего роста, с изящными манерами, лет двадцати пяти. Его звали Саркани — и все. Иного имени он не имел. Вероятно, он даже не был крещен, так как, по-видимому, родился в Африке — в Триполи или Тунисе; но, хотя у него и была смуглая кожа, правильные черты лица скорее указывали на арабское, чем на негритянское происхождение.

Вряд ли когда-либо встречалась на свете более обманчивая внешность! Только очень проницательный наблюдатель мог бы разгадать, какое глубокое коварство таится в этом красивом лице с большими черными глазами, тонким носом и хорошо очерченным ртом, опущенным темными усиками. Пожалуй, никто бы не разглядел в этих бесстрастных чертах тайной ненависти и презрения, свидетельствующих о постоянных

злоумышлениях против общества. Хотя физиономисты утверждают (и в большинстве случаев справедливо), что всякий обманщик, несмотря на всю свою ловкость, когда-нибудь да выдаст себя, Саркани был, несомненно, исключением из этого правила. Глядя на него, никто не заподозрил бы ни кто он такой, ни кем он был раньше. Он не вызывал того невольного отвращения, какое возбуждают в нас мошенники и воры. Тем он был опаснее.

Как прошли детские годы Саркани? Этого никто не знал. Вероятно, он был совсем заброшенным ребенком. Кто и как его воспитывал? В какой дыре ютился он первые годы своей жизни в Триполитании? Чьи заботы оградили мальчика от многочисленных опасностей, подстерегавших его в этой дикой стране? По правде сказать, на эти вопросы никто не мог бы ответить, вероятно, даже он сам, — родился он по воле случая, рос по воле случая и был обречен жить по воле случая! Однако за время своей юности он кое-чему научился, вернее, приобрел практические навыки, так как ему с ранних лет пришлось колесить по свету, встречаться со всевозможными людьми, пускаться на всякие уловки, чтобы не умереть с голоду. И вот по прихоти судьбы несколько лет тому назад он вошел в сношения с одним из самых богатых домов Триеста — с домом банкира Силаса Торонталя, имя которого неразрывно связано с нашим рассказом.

Спутник Саркани, итальянец Зироне, был из тех людей без стыда и совести, которые всегда готовы участвовать в грязном деле или оказать любую услугу тому, кто хорошо заплатит, и тут же перейти на сторону того, кто заплатит еще лучше. Этому выходцу из Сицилии было лет тридцать; ему ничего не стоило подбить человека на злое дело или послушаться дурного совета и с охотой привести его в исполнение. Где он родился? Быть может, он бы и ответил, если бы

только знал сам. Во всяком случае, он неохотно сообщал, где живет, даже когда у него и было жилье. Скитаясь по Сицилии, он случайно встретился с Саркани. С тех пор они вместе бродили по свету, стараясь правдами или неправдами набить себе карманы. Зироне, рослый, бородатый детина, с очень смуглым лицом и черными как смоль волосами, был человеком себе на уме; его врожденную хитрость выдавали всегда прищуренные глаза и манера лукаво покачивать головой. Свое коварство он пытался спрятать под напускной болтливостью. Впрочем, он обладал скорее веселым нравом и был настолько же развязен, насколько его молодой спутник сдержан и молчалив.

На этот раз Зироне болтал меньше, чем всегда. Видно, его тревожила мысль об обеде. Накануне, когда Саркани сел за карты в каком-то грязном притоне, удача окончательно отвернулась от них, и они оказались совсем на мели. Теперь оба не знали, за что взяться. Они могли надеяться только на счастливый случай, а так как этот покровитель босяков не спешил им навстречу на молу Сан-Карло, то они решили сами поискать его на улицах нового города.

Там, на проспектах и площадях, на набережных и бульварах, в порту и прилегающих к нему кварталах, на берегах большого канала, пересекающего Триест, толпятся, снуют туда-сюда, спешат, суетятся, бегут по своим делам обитатели этого города, насчитывающего семьдесят тысяч жителей итальянского происхождения, и их венецианский говор смешивается с многоязычным говором моряков, купцов, чиновников и разных должностных лиц, которые вносят в этот разногласный концерт звуки немецкого, английского, французского и славянских языков.

Но как ни богат новый город, не следует думать, что все встречные и поперечные на его улицах непременно люди состоятельные. Нет! Даже самые зажи-

точные из его жителей не могут тягаться с английскими, армянскими, греческими и еврейскими купцами, занимающими самое высокое положение в Триесте и чьи роскошные дома ничуть не уступают лучшим домам австро-венгерской столицы. Но помимо них сколько несчастных бедняков с утра до вечера бродят по богатым торговым улицам, мимо запертых, подобно несгораемым шкапам, высоких зданий, где заключают всевозможные торговые сделки многие дельцы, съехавшиеся в этот порт, так удачно расположенный в самом сердце Адриатики! Сколько оборванцев, которым не пришлось позавтракать и вряд ли удастся пообедать, толпятся вокруг причалов, где с судов, принадлежащих самой могущественной в Европе мореходной компании «Австрийский Ллойд», выгружают несметные богатства, привезенные со всех концов света! Сколько жалких бродяг, каких мы видим сотни в Лондоне, Ливерпуле, Марселе, Гавре, Антверпене, Ливорно, сталкиваются здесь с богатыми судовладельцами, бродя возле складов, куда им вход воспрещен, возле Биржи, двери которой для них всегда заперты, у входа в Тергестеум, где «Ллойд» разместил свои конторы и приемные и где он ведет свои дела в полном согласии с Торговой палатой.

Известно, что во всех больших портовых городах Старого и Нового Света можно видеть совсем особую толпу обездоленных, встречающихся только в этих крупных центрах. Откуда они взялись — никто не знает. Что они пережили — никому нет дела. Что с ними будет — они и сами не ведают. Среди них довольно много людей опустившихся и немало иностранцев. Железные дороги и торговые суда выбросили их, словно тюки с негодным товаром, и они всем мешают, нарушая нормальную жизнь города, откуда полиция тщетно старается их изгнать.

Итак, Саркани и Зироне, последний раз окинув взглядом бухту с маяком на мысу Святой Терезы, покинули мол и, пройдя между зданием «Театро коммунале» и сквером, вышли на Пьяцца Гранде; с четверть часа они прогуливались у подножия памятника Карлу VI возле фонтана, сложенного из камня, добытого на ближней горе Карст.

Затем они свернули налево. Зироне так внимательно приглядывался к прохожим, как будто испытывал непреодолимое желание их обобрать. Они подошли к громадному квадратному зданию Тергестеума как раз в час закрытия Биржи.

— Сейчас на Бирже пусто, как у нас в кармане! — воскликнул, смеясь, Зироне, хотя ему было вовсе не до смеха.

Но равнодушный Саркани, казалось, даже не слышал плоской остроты своего спутника, который поеживался и зевал от голода.

Они пересекли треугольную площадь, на которой возвышалась бронзовая статуя императора Леопольда I. Зироне свистнул, словно уличный мальчишка, и перед ним взлетела стая сизых голубей, которые обычно воркуют под портиком старой Биржи, подобно серым голубям, живущим под аркадами Прокураций на площади Святого Марка в Венеции. Здесь начиналась улица Корсо, отделяющая старый Триест от нового.

Они двинулись по этой широкой, но довольно неприглядной улице, с бойко торгующими, но безвкусно отделанными магазинами, скорее напоминающей Риджент-стрит в Лондоне или Бродвей в Нью-Йорке, чем Итальянский бульвар в Париже. По ней сновало множество прохожих и то и дело проезжали кареты, направляясь от Пьяцца Гранде к Пьяцца делла Ленья — эти названия указывают на несомненное итальянское происхождение города.

Саркани шел с видом человека равнодушного ко всяким искушениям, но Зироне, проходя мимо магазинов, бросал на них жадные взгляды, как человек, который стремится, но не имеет возможности туда войти. А сколько там было вещей, в которых оба они так нуждались! Особенно соблазняли их лавки со съестными припасами или пивные, где пиво всегда льется рекой, больше чем в любом другом городе Австро-Венгерского государства.

— На Корсо есть и пить хочется еще сильнее! — заметил Зироне и прищелкнул пересохшим языком, словно трещоткой.

В ответ Саркани только пожал плечами.

Они свернули на первую улицу налево, вышли к каналу возле подъемного моста Понто Россо и направились вдоль набережной, к которой могли приставать даже самые крупные морские суда. Тут приятелей больше не соблазняли приманки, выставленные в витринах магазинов. Дойдя до церкви Сант-Антонио, Саркани внезапно свернул направо. Его спутник последовал за ним без всяких возражений. Они снова пересекли Корсо и углубились в Старый город, узкие, непроезжие улочки которого карабкаются по склонам Карста и расположены таким образом, чтобы их не продувал жестокий ветер «борá» — ужасный, ледяной северо-восточный ветер. В старом Триесте Саркани и Зироне, не имевшие ни гроша в кармане, чувствовали себя как дома, не то что в роскошных кварталах нового города.

Действительно, приехав в столицу Иллирии, они поселились в скромном отеле, близ церкви Санта-Мария Маджоре. Но так как хозяин, до сих пор не получивший от них ни флорина, все настойчивее требовал оплаты счета, который с каждым днем увеличивался, они обошли этот опасный риф, пересекли площадь и некоторое время прогуливались вокруг Арко ди Рикардо.

Однако они пришли сюда совсем не для осмотра этого памятника римской архитектуры. А так как счастливый случай все не подвертывался им и на этих безлюдных улицах, они отправились искать его на крутых тропинках, ведущих к старому собору, стоявшему на террасе почти у самой вершины Карста.

— И дернула же тебя нелегкая карабкаться наверх! — пробормотал Зироне, подбирая полы плаща.

Но он не покинул своего молодого товарища, и снизу можно было видеть, как они взбирались друг за другом на склоны Карста по лестницам, которые называются здесь улицами. Десять минут спустя они добрались до террасы, еще более голодные и усталые, чем раньше.

С этой высокой точки перед приятелями открылся великолепный вид: Триестский залив, уходящий в безбрежное море; оживленная гавань, где сновали рыбацьи лодки и медленно двигались громадные пароходы и торговые суда; большой город, раскинувшийся у их ног, со всеми его пригородами, маленькими домиками, громоздившимися по склонам, и красивыми виллами, разбросанными на холмах. Однако это зрелище не восхищало приятелей. Они уже повидали на своем веку немало живописных мест, да к тому же не раз гуляли здесь и раньше, спасаясь от скуки и безделья. Зироне, во всяком случае, предпочел бы слоняться перед заманчивыми витринами на Корсо. Но раз уж они залезли так высоко в погоне за счастливым случаем, оставалось только терпеливо его дожидаться.

У самой лестницы, выходящей на террасу, возле византийского собора Святого Юста, есть огороженное место — бывшее кладбище, ставшее музеем старины. Там не сохранилось могил, кругом валяются лишь каменные обломки старых надгробных памятников: разбитые римские стелы и средневековые столбы, кус-

ки триглифов и разных украшений эпохи Возрождения, черепки разбитых урн со следами пепла — все эти осколки старины лежат вперемешку в траве, у подножия прекрасных деревьев.

Калитка кладбища была не заперта. Саркани толкнул ее и вошел, а за ним и Зироне, который меланхолически заметил:

— Вот самое подходящее место для самоубийства.

— А что, если бы тебе предложили покончить с собой? — насмешливо спросил Саркани.

— Ну нет, приятель, я бы отказался наотрез! Пусть у меня будет всего один счастливый день в неделю, с меня и этого довольно.

— Ты его получишь, и даже больше!

— Да услышат тебя все святые Италии, а их здесь, клянусь богом, насчитывают целые сотни!

— Ну, идем!

Они прошли по полукруглой аллее, между двумя рядами урн, и уселись на лежащей в траве огромной каменной розетке.

Сначала они молчали, что было по душе Саркани, но совсем не устраивало его спутника. Подавляя зевоту, Зироне вскоре сказал:

— Черт подери! Счастливый случай что-то не торопится, а мы-то сдуру так надеялись на него!

Саркани промолчал.

— Что за дурацкая затея искать его среди этих развалин! Боюсь, что мы дали маху, приятель! За каким чертом полезет он сюда, на это старое кладбище? Когда души покинули свою земную оболочку, он им больше не нужен. И когда я буду тут лежать, мне тоже будет наплевать на запоздавший обед или пропущенный ужин. Идем-ка отсюда!

Но Саркани, погруженный в свои мысли, сидел с отсутствующим видом и не двинулся с места.

Несколько минут Зироне молчал, но вскоре на него напала обычная болтливость.

— Саркани, — начал он, — знаешь, в каком обличье мне больше всего хотелось бы повстречать счастливый случай, который, кажется, забыл своих старых клиентов? В образе кассира из банка Торонталья, который явился бы сюда с портфелем, набитым банковскими билетами, и передал бы нам сей портфель от имени упомянутого банкира, рассыпаясь в извинениях за то, что заставил нас ждать!

— Слушай, Зироне, — ответил Саркани, сердито хмуря брови, — в последний раз говорю тебе, что нам нечего больше ждать от Силаса Торонталья.

— Ты уверен?

— Да! Кредит, которым я у него пользовался, теперь исчерпан, и на мою последнюю просьбу он ответил решительным отказом.

— Плохо дело!

— Очень плохо, но это именно так.

— Ладно, допустим, что сейчас твой кредит исчерпан, но раньше ты ведь пользовался кредитом? А на чем он был основан? На том, что ты не раз отдавал свой ум и способности банку Торонталья для выполнения разных... щекотливых дел. Вот почему первые месяцы после нашего приезда Торонталь был не слишком прижимист. Не может быть, чтобы ты и сейчас не держал в руках каких-нибудь нитей, а если ему угрожать...

— Если бы дело стало только за этим, оно давно было бы на мази, — пожал плечами Саркани, — и ты не бегал бы в поисках обеда! Нет, черт возьми! Я не держу Торонталья в руках, но, если это когда-нибудь случится, уж я сорву с него хороший куш и заставлю его выплатить мне проценты и проценты на проценты с тех денег, в каких он мне сейчас отказывает! Вдобавок я подозреваю, что дела его банка последнее время

основательно запутались — он вложил большие суммы в сомнительные предприятия. Несколько крупных банкротств, происшедших в Германии — в Берлине и Мюнхене, — отразились и на банках Триеста, и, что бы ни говорил Силас Торонталь при нашем последнем свидании, мне показалось, что он чем-то встревожен. Надо дать воде замутииться, а в мутной воде...

— Пусть так, но пока у нас осталась только чистая вода для питья! Послушай, Саркани, мне кажется, надо еще разок попытаться выжать что-нибудь из Торонталья! Последний раз постучаться в его кассу и добыть хотя бы денег на дорогу в Сицилию через Мальту...

— А что нам делать в Сицилии?

— Это уж моя забота! Я хорошо знаю страну и могу набрать по дороге шайку мальтийцев, смелых ребят, без предрассудков, с которыми можно пуститься на любые дела. Тысяча чертей! Чем тут сидеть на мели — лучше уедем и заставим этого проклятого банкира оплатить нам дорожные расходы! Хоть ты и мало знаешь о его делах, кое-что ты знаешь, и он будет рад, если ты уберешься подальше от Триеста!

Саркани покачал головой.

— Черт возьми! Дальше это не может продолжаться! Ведь этак можно подохнуть с голоду!

Он встал и сердито топнул ногой о землю, словно она была ему злой мачехой и не желала его кормить.

В эту минуту глаза его остановились на птице, тяжело летевшей за оградой кладбища. Это был голубь: он с трудом махал усталыми крыльями и постепенно опускался все ниже к земле.

Зироне, не задумываясь над тем, к какой из ста семидесяти семи пород голубей, известных орнитологам, принадлежит эта птица, сразу решил, что она относится к разряду съедобных. Вот почему, указав на нее своему спутнику, он стал жадно следить за ней.

Голубь, по-видимому, совсем выбился из сил. Он пытался отдохнуть, присев на выступ в стене старого собора, к которому примыкала высокая, квадратная, еще более старинная башня. Но, окончательно обессиленный, он опустился ниже и сел на крышу над небольшой нишей, где стояла статуя святого Юста; вскоре его ослабевшие лапки разжались и он соскользнул на капитель античной колонны, стоявшей между башней и фасадом собора.

Саркани по-прежнему сидел задумавшись и перестал следить за птицей, но Зироне не спускал с нее глаз. Голубь прилетел с севера. Как видно, он проделал далекий путь и силы его истощились. А в то же время инстинкт толкал его вперед, к какой-то отдаленной цели; поэтому он снова взлетел, но, описав в воздухе дугу, вынужден был опуститься и скрылся в ветвях одного из деревьев кладбища.

Тут Зироне решил его поймать и осторожно пополз по траве к дереву. Вскоре он добрался до подножия толстого, узловатого ствола, по которому мог бы легко вскарабкаться на вершину. Он застыл на месте, молчаливый и неподвижный, как собака на стойке, ожидая, когда дичь взлетит на дерево и спрячется в ветвях у него над головой.

Голубь не заметил Зироне и попытался продолжать полет, но силы вновь покинули его, и он упал на землю, в нескольких шагах от дерева.

Броситься вперед, протянуть руку и схватить птицу было для сицилийца делом одной секунды. Он собирался тут же задушить бедняжку, но вдруг вскрикнул от удивления и вернулся к Саркани.

— Почтовый голубь, — сказал он.

— Ну что ж! Этот почтальон, видно, совершил свое последнее путешествие!

— Конечно, и тем хуже для тех, кому он нес эту записку под крылом!

— Записку? — воскликнул Саркани. — Погоди, Зироне, погоди! Если так, дадим ему отсрочку.

И он остановил руку своего товарища, собиравшего уже свернуть пленнику шею. Затем, взяв мешочек, который Зироне достал из-под крыла птицы, открыл его и вынул шифрованную записку.

В записке было всего восемнадцать буквосочетаний, написанных в три колонки следующим образом:

<i>зцифну</i>	<i>исйтчу</i>	<i>оехивр</i>
<i>сигдкн</i>	<i>ьуелмс</i>	<i>иоеттж</i>
<i>ошшеvk</i>	<i>ониввп</i>	<i>ошзьяг</i>
<i>вэааиь</i>	<i>лнаода</i>	<i>ривейо</i>
<i>кзтяси</i>	<i>тлнрго</i>	<i>смнвси</i>
<i>еонрам</i>	<i>сиупвс</i>	<i>еаднжр</i>

Откуда была послана записка и кому она предназначалась? Об этом не говорилось ни слова. А разве можно разгадать эти восемнадцать записей, состоящих из равного количества букв, не зная шифра? Вряд ли! Для этого надо быть очень ловким отгадчиком; к тому же неизвестно, можно ли их вообще расшифровать!

Саркани был очень разочарован и в замешательстве смотрел на криптограмму, в которой ничего не понимал. Быть может, в записке содержатся важные и даже компрометирующие кого-нибудь сведения? Весьма вероятно, судя по тому, какие меры предосторожности были приняты, чтобы ее не могли прочесть, если она попадет в чужие руки. Уж если записку не захотели доверить ни почте, ни телеграфу, а воспользовались необыкновенным инстинктом почтового голубя, чтобы ее переслать, значит, речь шла о деле, которое хотели сохранить в абсолютной тайне.

— А вдруг в этой записке содержится такая тайна, которая могла бы принести нам богатство, — заметил Саркани.

— Так, значит, счастливый случай, за которым мы гонялись все утро, прилетел к нам в виде этого голубя! — воскликнул Зироне. — Черт возьми! А я-то чуть его не задушил! Впрочем, самое главное — захватить послание, а посланца можно с успехом сварить...

— Не спеши, Зироне, — ответил Саркани, еще раз спасая голубью жизнь, — птица поможет нам узнать, кому послана записка, — если, конечно, этот человек живет в Триесте.

— Ну а потом? Она не поможет тебе ее прочесть!

— Нет.

— И ты не узнаешь, откуда ее послали.

— Конечно. Но если мне удастся найти одного из корреспондентов, быть может, я смогу разыскать и второго. Значит, вместо того чтоб убивать эту птицу, надо помочь ей восстановить свои силы и долететь до места назначения.

— С запиской?

— Да, с запиской. Но сперва я сниму с нее точную копию и спрячу до того времени, когда она сможет мне пригодиться.

Саркани, вынув из кармана записную книжку и карандаш, тщательно переписал записку. Зная, что в криптограммах нельзя упускать ни одной мелочи, он постарался точно сохранить расстановку слов и букв. Затем спрятал копию в карман, а записку вложил в мешочек и снова привязал под крылом голубя.

Зироне следил за ним, по-видимому не разделяя надежд, которые его товарищ возлагал на этот неожиданный случай.

— А теперь? — спросил он.

— Теперь позаботься о посланце и помоги ему оправиться.

В самом деле, голубь обессилел скорее от голода, чем от усталости. Крылья его были невредимы, на них

не видно было ни переломов, ни ушибов, — значит, его слабость не была вызвана ни свинцовой дробинкой охотника, ни камнем, брошенным скверным мальчишкой. Он просто хотел есть, а еще больше — пить.

Зироне нашел на земле несколько червячков, насекомых и зернышек, и голубь с жадностью их проглотил; затем, подобрав черепок старинной урны, в котором осталось несколько капель воды после дождя, Зироне напоил его. Не прошло и получаса, как отдохнувший и подкрепившийся голубь был уже в состоянии продолжать свое прерванное путешествие.

— Если ему предстоит далекий путь, — заметил Саркани, — и место его назначения где-то за пределами Триеста, тогда нам все равно, долетит ли он или свалится по дороге, — ведь мы скоро потеряем его из виду. Если же он летит в один из триестских домов, то у него хватит сил до него добраться, ибо ему осталось лететь всего одну-две минуты.

— Ты совершенно прав, — ответил Зироне. — Но сможем ли мы проследить за ним до того места, где он сядет, даже если он не улетит за пределы города?

— Ну что ж, постараемся сделать все, что в наших силах.

И вот что они сделали.

К романскому собору, имевшему два придела, посвященные Богородице и покровителю Триеста святому Юсту, примыкает высокая башня; она стоит вплотную к фасаду, где под большим круглым окном, с резным каменным переплетом, находится главный вход в здание. Эта башня господствует над всей Карстской возвышенностью, и город раскинулся под ней словно рельефная карта. С этой высокой точки легко разглядеть многочисленные крыши города, от самых склонов горы до берегов бухты. Значит, если выпустить голубя с верхушки башни, может быть, удастся проследить за его полетом и разглядеть, в какой дом он

опустится, если только он летит в Триест, а не в какой-либо другой город на Иллирийском полуострове.

Возможно, что они добьются успеха. Во всяком случае, стоило попытаться. Оставалось только выпустить голубя на свободу.

Саркани и Зироне покинули старое кладбище, пересекли небольшую лужайку перед церковью и направились к башне. Одна из маленьких стрельчатых дверей под античным карнизом — та, что находилась под нишей со статуей святого Юста, — была открыта. Войдя в нее, они стали подниматься по крутым ступенькам винтовой лестницы.

Минуты через три они очутились под самой крышей; наверху не было открытой площадки, но два окна в стенах башни позволяли охватить взглядом весь горизонт — и холмы, и море.

Саркани и Зироне стали перед окном, выходящим на северо-запад: внизу раскинулся Триест.

В эту минуту часы на башне старинного замка шестнадцатого века, стоявшего на вершине Карста позади собора, пробили четыре. Было еще совсем светло. Воздух был чист и прозрачен, солнце только начало склоняться к водам Адриатики, и городские дома, обращенные фасадами к башне, были ярко освещены. Итак, все складывалось как нельзя лучше.

Саркани взял в руки голубя, покровительственно погладил его напоследок и выпустил на волю. Птица забила крыльями, но сперва стала быстро опускаться вниз, и казалось, что воздушный гонец закончит свой путь ужасным падением. Несдержанный сицилиец невольно вскрикнул с досады.

— Нет! Он поднимается! — возразил Саркани.

И в самом деле, над землей голубь выровнял свой полет и, описав петлю, устремился к северо-западной части города.

Саркани и Зироне следили за ним не отрывая глаз.

Выбрав нужное направление, птица, подчиняясь своему чудесному инстинкту, летела без всяких колебаний. Чувствовалось, что она стремится прямо к цели, туда, где была бы уже час назад, если бы не эта вынужденная остановка под деревьями старого кладбища.

Саркани и его приятель продолжали следить за голубем с напряженным вниманием. Они спрашивали себя, не собирается ли он вылететь за черту города, что расстроило бы все их планы. Но этого не случилось.

— Я его вижу! Я его вижу! — воскликнул Зироне, обладавший на редкость острым зрением.

— Главное, надо приметить, куда он сядет, и точно определить, где находится это место.

Через несколько минут голубь опустился на крышу дома с высоким, острым коньком, среди деревьев, в той части города, где расположены больница и городской сад. Он тут же исчез в слуховом окне мансарды, хорошо заметном издали, так как над ним поднимался ажурный металлический флюгер, который, будь Триест фламандским городом, наверняка оказался бы творением Квентина Метсу.

Теперь, установив основное направление, они думали, что будет не слишком трудно отыскать по резному флюгеру высокий конец крыши со слуховым окном, а затем и дом, где жил человек, которому предназначалось послание.

Саркани и Зироне сразу двинулись в путь и, спустившись по склону Карста, углубились в переулочки, ведущие к Пьяцца делла Ленья. Они старались не сбиться с направления и выйти к группе домов, образующих западный квартал города.

Дойдя до пересечения двух крупных городских артерий — улицы Корса-Стадион, ведущей к городскому

саду, и Акведотто, красивой, обсаженной деревьями аллеи, выходящей к большому ресторану Боскетто, — приятели остановились в нерешительности. Куда теперь свернуть — направо или налево? Они инстинктивно выбрали правую улицу, решив обследовать на ней один за другим все дома, пока не найдут того, над которым приметили флюгер, поднимающийся над деревьями.

Так шли они по Акведотто, внимательно разглядывая крыши домов, но все не находили той, которую искали, пока не дошли до самого конца улицы.

— Вот она! — воскликнул вдруг Зироне.

И он указал на крышу, над которой торчал на железном шпиле флюгер, скрипевший на ветру; под ним виднелось слуховое окно с летающими вокруг голубями. Тут не могло быть ошибки. Именно сюда спустился почтовый голубь. Небольшой, скромный дом стоял среди других в самом начале улицы Акведотто.

Саркани навел справки у лавочников по соседству и вскоре разузнал все, что ему было нужно. Этот дом уже много лет принадлежал жившему в нем графу Ладиславу Затмару.

— Кто такой граф Затмар? — спросил Зироне, которому это имя ничего не говорило.

— Как «кто»? Граф Затмар!

— Но ведь мы могли бы расспросить...

— Потом, Зироне, незачем спешить! Выдержка и спокойствие. А теперь пойдем к себе в отель.

— Да! Теперь как раз время обеда для тех, кто может себе позволить сесть за стол! — иронически заметил Зироне.

— Если мы сегодня и не пообедаем, то весьма возможно, что пообедаем завтра.

— У кого?

— Как знать, Зироне, быть может, у графа Затмара!

Они отправились не торопясь — к чему спешить? — и вскоре пришли в свой дешевый и все же слишком роскошный для них отель — раз им нечем было заплатить за ночлег.

Какой их ожидал сюрприз! На имя Саркани только что прибыло письмо. В конверт был вложен кредитный билет на двести флоринов и коротенькая записка, всего несколько слов:

Больше вы от меня ничего не получите. Этих денег Вам хватит, чтобы добраться до Сицилии. Уезжайте, и чтобы я никогда о Вас не слышал.

Силас Торнталь

— Ура! — крикнул Зироне. — Банкир все-таки одумался, и очень кстати! Право, никогда не надо отчаиваться, если имеешь дело с денежными тузами!

— И я так думаю, — ответил Саркани.

— Значит, теперь у нас есть деньги и мы можем уехать из Триеста?

— Нет, мы можем остаться.

Глава вторая

ГРАФ МАТИАС ШАНДОР

Венгры, или мадьяры, поселились в Венгрии в IX веке христианской эры. В настоящее время они составляют третью часть всего населения страны — более пяти миллионов. Являются ли венгры потомками испанцев, египтян или татар, произошли ли они от гуннов Аттилы или северных финнов — вопрос спорный. Да нам это и не важно. Однако следует подчеркнуть, что они не славяне и не немцы и, по-видимому, вовсе не желают онемечиваться.

В XI веке венгры приняли католичество, которому остались верны до сих пор, и не раз показывали себя

ревностными католиками. Говорят они на своем древнем языке, на мягком, благозвучном языке своих предков, так хорошо передающем всю прелесть поэзии, и хотя он менее богат, чем немецкий, зато более краток и энергичен; в XIV и XVI веках он заменил латынь, употребляемую в законах и уложениях, и вскоре стал национальным языком.

Но 21 января 1699 года по Карловицкому договору Венгрия и Трансильвания были присоединены к Австрии.

Двадцать лет спустя было торжественно объявлено, что Австро-Венгерское государство останется навеки неделимым. За неимением сына наследницей престола могла стать дочь, по праву первородства. Благодаря этому новому закону в 1749 году на трон взошла Мария-Терезия, дочь Карла VI, последнего отпрыска мужской ветви Австрийского дома.

Венгры были вынуждены склониться перед силой; однако и полтора столетия спустя во всех слоях общества встречалось немало людей, не признававших ни объединения с Австрией, ни Карловицкого договора.

В эпоху, к которой относится наш рассказ, в Венгрии жил мадьяр весьма знатного рода, которым всю жизнь владели два чувства: ненависть ко всему немецкому и надежда вернуть родине ее былую независимость. Он был еще молод, не раз встречался с Кошуттом, и, хотя вследствие своего происхождения и воспитания придерживался других политических взглядов, он искренне восхищался мужеством великого патриота.

Граф Матиас Шандор жил в Трансильвании, в округе Фагараш, в старинном феодальном замке. Этот замок, построенный на северных отрогах Восточных Карпат, отделяющих Трансильванию от Валахии, гордо возвышался над отвесной горной грядой во всей своей дикой красоте и казался неприступным убежищем за-

говорщиков, где они могли защищаться до последнего вздоха.

Хозяин замка Артенак получал крупные доходы от умелой разработки близлежащих рудников, богатых железной и медной рудой. В его владения входила часть округа Фагараш, в котором насчитывалось не менее семидесяти двух тысяч жителей. Население области — и горожане и крестьяне — было предано графу Шандору душой и телом и бесконечно благодарно ему за то добро, что он делал для всей округи. Вот почему его замок находился под особым наблюдением Венской канцелярии по венгерским делам, которая действовала совершенно независимо от других министерств империи. В высоких сферах знали о свободолобивых идеях Шандора и были ими встревожены, хотя до поры до времени его и не трогали.

К этому времени Матиасу Шандору исполнилось тридцать пять лет. Широкоплечий, выше среднего роста, с гордо посаженной головой, он отличался крепким сложением и обладал большой физической силой. Его смуглое лицо, со слегка выдающимися скулами, представляло собой чисто мадьярский тип. Живость движений, четкость речи, спокойный и решительный взгляд, горячая кровь, струившаяся в его жилах и проявлявшаяся в легком трепете ноздрей и губ, часто мелькавшая улыбка — верный признак доброты, энергия, сквозившая и в словах и в жестах, — все свидетельствовало о прямой и великодушной натуре. Не раз замечали, что в характерах мадьяра и француза немало общих черт. Граф Шандор подтверждал это наблюдение.

Следует отметить еще одну важную черту графа Шандора: он был довольно снисходителен, когда затрагивали его интересы, и легко забывал причиненное ему зло, но никогда не прощал и не мог забыть оскорб-

лений, нанесенных его друзьям. На редкость справедливый, он ненавидел всякое вероломство. Тут он проявлял необыкновенную стойкость и непреклонность. Граф был не из тех, кто предоставляет лишь Богу наказывать виновных на этом свете.

Добавим, что Матиас Шандор получил весьма солидное образование. Он не любил бездельничать, хотя его состояние вполне ему позволяло это; у него были другие вкусы, и он занялся физикой, химией и медицинскими науками. Из него вышел бы замечательный врач, если бы ему пришлось ухаживать за больными, но он предпочел стать химиком и пользовался большим уважением среди ученых. Он прошел курс наук в Пештском университете, Пресбургской академии, Хемницком горном училище и Темешварском высшем педагогическом училище и всюду выделялся своими успехами. Скромная жизнь и усиленные научные занятия развили и укрепили его природные дарования. Он стал человеком в самом высоком смысле этого слова. Вот почему все знакомые графа так ценили его, особенно профессора многих учебных заведений Австро-Венгрии, которые на всю жизнь остались его друзьями.

В прежние годы в замке Артенак царило веселье и оживление. Трансильванские охотники любили встречаться на этих суровых отрогах Карпатских гор. Они устраивали шумные и опасные облавы, в которых граф Шандор проявлял весь свой воинственный пыл, так как не принимал участия в политической борьбе. Он держался в стороне от политики, но пристально следил за ходом событий. Казалось, что жизнь графа проходит в научных занятиях и светских развлечениях. В эти годы графиня Рена Шандор была еще жива. Она была душой веселых собраний в замке Артенак. За полтора года до начала нашего рассказа жизнь графини внезапно оборвалась; она умерла в полном расцвете молодости.

сти и красоты, оставив маленькую дочь, которой теперь исполнилось два года.

Граф Шандор был глубоко потрясен этой утратой и никогда не мог с ней примириться. Замок затих и опустел. С той поры его владелец, погруженный в свое горе, вел жизнь отшельника. Он жил только для маленькой дочки, которую поручил заботам Рожены Лендек, жены управляющего замком. Эта преданная, еще не старая женщина посвятила всю свою жизнь наследнице Шандора и заботилась о ней, как родная мать.

Первые месяцы после смерти жены Матиас Шандор не покидал замка. Он искал уединения и жил воспоминаниями о прошлом. Но через некоторое время мысли о бедствиях угнетенной родины отвлекли его от собственного горя.

Франко-итальянская война 1859 года нанесла страшный удар Австрийской империи. А спустя семь лет, в 1866 году, последовал еще более сокрушительный удар — разгром при Садове. Теперь Венгрия была прикована к дважды побежденной Австрии, которая не только лишилась своих итальянских владений, но и попала в зависимость от Германии.

Национальная гордость венгров была оскорблена — такие чувства не повинуются голосу рассудка, здесь говорит голос крови. Венгры считали, что одержанные Австрией победы при Кустоцце и Лиссе не могли возместить поражения при Садове.

Граф Шандор за этот год тщательно изучил политическую обстановку и решил, что борьба за отделение Венгрии может увенчаться успехом.

Итак, настало время действовать. Третьего мая 1867 года, расцеловав свою дочурку и оставив ее на попечение верной Рожены Лендек, граф Шандор покинул замок Артенак и отправился в Пешт, где встретился со своими друзьями и единомышленниками, что-

бы принять важные решения; затем, через несколько дней, он переехал в Триест, где собирался развить свою деятельность.

Здесь должна была находиться штаб-квартира заговорщиков. Отсюда протянутся во все стороны нити, сосредоточенные в руках графа Шандора. В этом городе руководители восстания будут не слишком на виду и смогут, не вызывая подозрений, пользуясь большей свободой и не подвергаясь опасности, осуществить свой великий замысел.

В Триесте жили два самых близких друга Матиаса Шандора. Они разделяли его убеждения и твердо решили идти за ним до конца. Граф Ладислав Затмар и профессор Иштван Батори, оба лет на десять старше Матиаса Шандора, были знатные мадьяры, но не имели состояния. Один из них жил на скромный доход от небольшого имения в округе Липто, по ту сторону Дуная; другой преподавал физику в Триесте и зарабатывал на жизнь уроками.

Ладислав Затмар жил на улице Акведотто, в доме, недавно привлекшем внимание Саркани и Зироне; это скромное жилище он предоставил в распоряжение Матиаса Шандора на все время его пребывания в Триесте, то есть до конца подготавливавшегося восстания, чем бы оно ни кончилось. Единственным слугой в этом доме был старый Борик, венгр лет пятидесяти пяти, человек столь же преданный своему хозяину, как управляющий замком Лендек — владельцу Артенака.

Иштван Батори занимал скромный домик на Корса-Стадионе, в том же квартале, что и граф Затмар. Его жизнь протекала в кругу семьи, состоявшей из жены и восьмилетнего сына Петера. Иштван Батори был подлинным, хотя и очень отдаленным потомком мадьярских князей, которые в XVI веке царствовали в Трансильвании. С течением времени этот род дал многочисленные разветвления и постепенно измельчал, и никто

не подозревал, что одним из последних его представителей является скромный профессор Пресбургской академии. Иштван Батори был выдающимся ученым, одним из тех жрецов науки, что живут в уединении и становятся знаменитыми лишь благодаря своим трудам. О нем можно было бы сказать, как о шелковичном черве: «*Inclusum labor illustrat*»¹. Из-за своих политических убеждений, которых он никогда не скрывал, ему пришлось уйти в отставку, и, перебравшись в Триест вместе с женой, которая мужественно поддерживала его во всех испытаниях, он стал давать частные уроки.

С приездом Матиаса Шандора, который официально снимал комнату в Палаццо Модело — нынешнем отеле «Делорм» — на Пьяцца Гранде, три друга стали постоянно встречаться в доме Ладислава Затмара. Полиции и в голову не приходило, что в скромном доме на Акведотто находится штаб-квартира заговора, насчитывающего множество участников во всех крупных городах страны.

Ладислав Затмар и Иштван Батори без всяких колебаний примкнули к Матиасу Шандору и стали его ревностными сообщниками. Они также считали, что теперь настало время начать борьбу за освобождение родины и вернуть Венгрии подобающее ей место в семье европейских держав. Они знали, что рискуют жизнью, но это не могло их остановить. Итак, дом на Акведотто стал местом встреч руководителей заговора. Множество единомышленников приезжало сюда из разных уголков страны за указаниями и распоряжениями. Почтовые голуби — быстрые воздушные гонцы — обеспечивали постоянную, надежную связь между Триестом, главными городами Венгрии и Трансильва-

---

¹ Уединение прославляет работу (*лат.*).

нией, когда требовалось послать инструкции, которые нельзя было доверить ни почте, ни телеграфу. Короче говоря, были приняты все меры предосторожности, и заговорщики до сих пор не вызывали ни малейших подозрений.

К тому же, как мы знаем, они вели зашифрованную переписку, совершенно непонятную без ключа, а потому безопасную.

Двадцать первого мая, через три дня после возвращения голубя, побывавшего в руках у Саркани, около восьми часов вечера, Ладислав Затмар и Иштван Батори сидели в рабочем кабинете хозяина дома и ждали Матиаса Шандора. Личные дела недавно заставили графа уехать в Трансильванию и побывать в своем замке. Он воспользовался этим путешествием, чтобы повидаться с некоторыми друзьями в Клаузенбурге, главном городе провинции, и сообщить им содержание той самой записки, с которой Саркани недавно снял копию; в этот день граф должен был вернуться в Триест.

После отъезда графа Шандора Триест и Буда не раз обменивались посланиями, и голуби перенесли немало зашифрованных записок. Сейчас Ладислав Затмар как раз и занимался расшифровкой криптограмм, пользуясь ключом, известным под названием «сетки».

Эти секретные записки составлялись очень простым способом — с помощью перестановки букв. При этом каждая буква сохраняла свое обычное значение, то есть «б» означало «б», «е» означало «е» и так далее. Но буквы нарочно переставлялись, и прочесть написанное можно было только с помощью сетки, которая закрывала ненужные буквы, оставляя открытыми нужные, в том порядке, в каком их следует читать.

Эти сетки, известные с давних пор, усовершенствованы в наше время по системе полковника Флейснера;

они остаются лучшим и самым верным способом составления криптограмм, не поддающихся расшифровке. Остальные системы с перестановкой букв, будь то системы с неизменной основой или же с простым ключом, где каждая буква алфавита всегда заменяется одной и той же буквой или значком (а также и системы с изменяющейся основой или с двойным ключом), не вполне надежны. Существуют опытные специалисты по расшифровке криптограмм — удивительные мастера в этом деле; иногда они основываются на простом расчете вероятностей, а иногда действуют наугад. Зная, какие буквы алфавита наиболее употребительны и потому должны чаще всего встречаться в криптограмме (так, например, «е» в французском, английском и немецком языках, «о» — в испанском, «а» — в русском, «е» и «и» — в итальянском), они находят их в зашифрованном тексте и постепенно отгадывают истинное значение каждой буквы в письме. Вот почему почти все криптограммы, составленные по такой системе, поддаются расшифровке умелых разгадчиков.

Другое дело — сетки или зашифрованные словари (в которых отдельные слова и даже целые фразы заменены цифрами); это самый надежный способ составлять не поддающийся прочтению текст. Однако обе эти системы имеют большой недостаток: они требуют соблюдения строжайшей тайны, ибо надо быть абсолютно уверенным, что словарь или сетка, которая служит ключом к данному тексту, не попадет в чужие руки. В самом деле, без словаря или сетки письма невозможно прочесть, зато, если ключ похищен, их сможет прочесть каждый.

Итак, граф Шандор и его сообщники переписывались с помощью сетки, то есть квадратного куска картона с прорезанными в нем дырочками; но из предосторожности, опасаясь, что сетка может быть украдена

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	142
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	264
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	378
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	475

Верн Ж.

В 35 Матиас Шандор, или Новый граф Монте-Кристо : роман / Жюль Верн ; пер. с фр. Е. Гунста, О. Моисеенко, Е. Шишмаревой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 544 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-15513-8

Историко-приключенческий роман «Матиас Шандор» (1883–1884, опубл. 1885) Жюль Верн посвятил памяти Александра Дюма – по словам самого автора, «гениального рассказчика», чей «Граф Монте-Кристо» подсказал ему некоторые фабульные ходы его новой книги. Заглавный герой романа, граф Матиас Шандор, венгерский патриот и революционер, один из организаторов восстания, призванного освободить Венгрию от австрийского ига, становится жертвой доноса и приговаривается к смертной казни. После неудачного побега из крепости двоих его сподвижников расстреливают, Матиас же, как считается, гибнет в морской пучине. А спустя пятнадцать лет в далматийский порт Гравоза прибывает яхта таинственного доктора Антекирта, о врачебном искусстве и баснословном богатстве которого по всему Востоку не первый год ходят самые противоречивые и невероятные слухи...

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖЮЛЬ ВЕРН
МАТИАС ШАНДОР,
ИЛИ
НОВЫЙ ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ксения Казак, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.12.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 23,97. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AKB-23891-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/